

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-79-86

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ МАКРОРЕГИОНА

Людмила Владиславовна Клименко^{1✉},
Анна Владимировна Верещагина², Зуриет Анзауровна Жаде³

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹lucl@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-7696-7830,

AuthorID РИНЦ: 9360-6618, Scopus AuthorID: 57191992471

²anrietta25@mail.ru, ORCID: 00000003-0045-7468,

AuthorID РИНЦ: 287431, Scopus AuthorID: 56584492400

³zhadezura@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7888-8885,

AuthorID РИНЦ: 493818, Scopus AuthorID: 57190442726

Аннотация. Цель исследования — проанализировать возрастные особенности социальной идентичности населения многосоставного Юга России. Эмпирической базой анализа выступают результаты этносоциологических исследований, проведенных в 2021 г. в Ростовской области, Адыгее и Дагестане.

Методологическая база исследования включает рассмотрение идентичности с позиции социального конструктивизма, выделение типологических (личная и групповая) и структурных (гражданская, региональная и этническая) компонент.

Результаты исследования. Эмпирические замеры выявляют несовпадение этнотерриториальных и возрастных подгрупп населения Юга России по таким социальным компонентам идентификации, как близость или дистанция с общегражданскими, этническими и региональными сообществами, что сопряжено с рисками дезинтеграции и устойчивости многосоставного макрорегиона. Зафиксирована более высокая значимость общегражданской идентичности для жителей Ростовской области, а для населения северокавказских республик — этнических (чаще в Адыгее), республиканских и религиозных (более выражено в Дагестане) идентификаций. На этом фоне представители старшего поколения чаще указывают на близость с региональными общностями, а молодое поколение более ориентировано на общегражданские мы-группы.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением динамики содержательных компонентов идентичности полиэтничного региона.

Ключевые слова: социальная идентичность, возрастная специфика, Юг России, полиэтничный макрорегион, республики Северного Кавказа, социальная интеграция, мы-идентификация

Для цитирования: Клименко Л. В., Верещагина А. В., Жаде З. А. Возрастные особенности идентичности полиэтничного населения Юга России в контексте интеграции макрорегиона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 79–86. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-79-86>.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00270.

Original article

AGE FEATURES OF THE IDENTITY OF THE MULTIETHNIC POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE INTEGRATION OF THE MACROREGION

Lyudmila V. Klimenko^{1✉}, Anna V. Vereshchagina², Zuriet A. Zhade³

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

³*Adyghe State University, Maykop, Russia*

¹*lucl@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-7696-7830,*

AuthorID RSCI: 9360-6618, Scopus AuthorID: 57191992471

²*anrietta25@mail.ru, ORCID: 00000003-0045-7468,*

AuthorID RSCI: 287431, Scopus AuthorID: 56584492400

³*zhadezura@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7888-8885,*

AuthorID RSCI: 493818, Scopus AuthorID: 57190442726

Annotation. *The purpose of the study is to analyze the age characteristics of the social identity of the population of the multi-component South of Russia. The empirical basis of the analysis is the results of ethnosociological studies conducted in 2021 in the Rostov region, Adygea and Dagestan.*

The methodological basis of the research *includes a consideration of identity from the standpoint of social constructivism, highlighting typological (personal and group) and structural (civic, regional and ethnic) components.*

Research results. *Empirical measurements reveal the discrepancy between ethno-territorial and age subgroups of the population of the South of Russia in such societal components of identification as proximity or distance with general civil, ethnic and regional communities, which is associated with the risks of disintegration and stability of a multi-component macroregion. A higher significance was recorded for the inhabitants of the Rostov region of civil identity, and for the population of the North Caucasian republics — ethnic (more often in Adygea), republican and religious (more pronounced in Dagestan) identifications. Against this background, representatives of the older generation more often point to closeness with regional communities, and the younger generation is more focused on common civic we-groups.*

Research prospects *are associated with further study of the dynamics of the content components of the identity of a polyethnic region.*

Key words: *social identity, age specificity, South of Russia, polyethnic macroregion, republics of the North Caucasus, societal integration, we are identification*

For citation: *Klimenko L. V., Vereshchagina A. V., Zhade Z. A. Age features of the identity of the multiethnic population of the South of Russia in the context of the integration of the macroregion // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 79–86. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-79-86>.*

Acknowledgment: *The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project №19-011-00270.*

Постановка проблемы. Многолетние исследования социальной идентификации показывают многофакторную и подвижную природу идентичности людей. Чаще всего данный феномен определяют как «совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т.д.» [1, с. 46]. С одной стороны, идентичность может быть как индивидуальная, так и групповая, с другой стороны, формируется она только во взаимодействии с другими людьми [2]. Проблемы групповой идентификации населения наиболее актуальны в условиях многосоставных макрорегионов. Этническое многообразие может выступать фактором разобщенности региональных социумов [3], когда в сознании различных этнокультурных общностей доминируют разные идентификационные комплексы, маркирующие конкурентные стратегии социального взаимодействия. Еще одним фактором, который может определять несовпадение социальных ценностей и содержание идентификационных стратегий, выступает возрастная принадлежность [4; 5].

Характер социальной идентичности местных жителей является одним из показателей степени интеграции/дезинтеграции населения региона на разных уровнях общности — локальной, региональной и социальной [6]. Социальная практика показывает, что одним из эффективных оснований солидарности населения поликультурных территорий выступает формирование общегражданской идентичности. Такая идентичность обладает надэтническими характеристиками, базирующимися на конструкте наднационального/многонационального гражданства [7]. Причем в научно-исследовательской литературе и публицистике используются различные соотношения терминов «национальное» и «этническое», мы же относим понятие «национальное» как близкое к этнокультурному и не тождественное общегражданскому.

В этой связи обратимся к анализу особенностей идентичности возрастных подгрупп населения южно-российского макрорегиона в контексте его интеграции.

Эмпирическая база и методика исследования. Наш анализ основывается на результатах этносоциологического исследова-

ния жителей трех субрегионов Юга России. В 2021 г. в опросе приняли участие 329 жителей Адыгеи (92% представителей титульного этноса), 400 человек, проживающих в Ростовской области (91% русских), 413 респондентов из Дагестана (29% аварцев, 20% лезгин, 17% даргинцев, 15% кумыков, 9% лакцев, 4% табасаранцев). Опрашивались жители столиц республик и областных центров. Выборка опроса — квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Социологическое измерение идентичности включало анализ следующих компонентов: 1) гражданские, региональные и этнические отождествления; 2) личностные и групповые идентификации. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении групповой идентичности населения Юга России с помощью методики анализа мы-идентификаций. Эта методика представлена в работах В. А. Ядова [8], Е. Н. Даниловой [9] и других авторов и предполагает анализ соотношения людей с разными типами общностей. В методике анализируются показатели дистанции или, наоборот, взаимопонимания и близости с различными людьми и социальными общностями. В частности, во время проведения этносоциологического опроса с целью анализа особенностей групповой идентичности жителям Юга России задавался вопрос: «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. О каких группах Вы можете сказать: “Это мы”? К каким группам людей вы себя чаще всего относите?».

Результаты исследования. Количественные материалы исследования показывают, что опрошенные жители Ростовской области чаще всего отождествляют себя с поколенческими, гражданскими и профессиональными общностями. На этом фоне среди респондентов в возрасте 18–29 лет и 30–44 года на первом месте по числу указаний находится чувство близости с гражданами России (53% и 56%), на втором месте — с людьми своего поколения (56% и 50%), и на третьем — с людьми своей профессии (44% и 49%). Для представителей более старших возрастных групп — 45–60 лет и старше 60 лет — в мы-идентичность чаще

попадают поколенческие общности (от 62% до 70%). На второе место в этих возрастных сегментах выходят отождествления по профессиональному (62% и 41%), а на третье — по гражданскому (49% и 38%) основаниям. Ожидаемо, что степень распространенности профессиональной идентичности ниже в самом молодом и самом старшем возрастных сегментах, а выше всего — среди населения от 30 до 60 лет (рис. 1).

Необходимо отметить, что в самой старшей возрастной категории респондентов третье место в рейтинге упоминаемости занимает отождествление с жителями Ростовской области (41%). Региональная идентификация с населением своей области в остальных возрастных подгруппах набирает от 21% до 30%. Близость с жителями Юга России отмечают еще от 17% до 26% опрошенных. К жителям Северного Кавказа относит себя не больше 7% респондентов. В целом разные уровни региональной идентичности чаще встречаются в самой старшей возрастной группе жителей Ростовской области (в сумме 67%) (рис. 1).

Опрошенные жители Адыгеи чаще всего указывают на близость с группами повсед-

невного общения: поколенческими (от 70% до 74% в разных возрастных группах) и профессиональными (от 46% до 62%, за исключением сегмента старше 60 лет). Обращает на себя внимание, что третье место по количеству упоминаний собирает идентификация по этнической принадлежности. Больше всего она выражена среди старших возрастных групп 45–60 лет (60%) и старше 60 лет (43%). Среди жителей Адыгеи в возрасте 30–44 года этническая идентичность собирает уже меньшее число ответов — 30%, но все равно выходит на третье место в рейтинге, тогда как самая молодая часть респондентов в возрасте 18–29 лет чаще указывает в качестве мы-групп граждан России (25% и третье место). Однако в целом среди жителей Адыгеи общегражданская идентичность распространена заметно меньше, чем у соседей из Ростовской области. Среди населения республики в возрасте 30–44 года данная позиция занимает шестое место, в сегменте 45–60 лет — седьмое место и среди людей старше 60 — пятое место (рис. 2).

Региональный компонент групповой идентичности больше выражен у жителей Адыгеи, чем среди населения Ростовской об-

Рис. 1. Структура групповой идентичности жителей Ростовской области (в %)
Fig. 1. The structure of the group identity of residents of the Rostov region (in %)

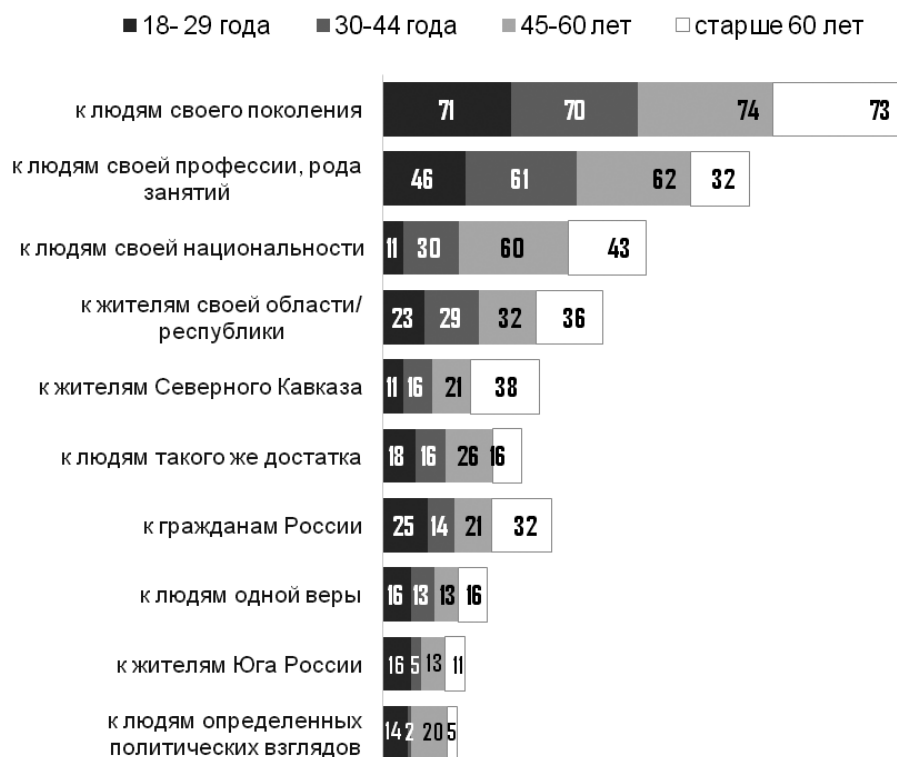

Рис. 2. Структура групповой идентичности жителей Республики Адыгея (в %)
Fig. 2. Structure of group identity of residents of the Republic of Adygea (in %)

Рис. 3. Структура групповой идентичности жителей Республики Дагестан (в %)
Fig. 3. Structure of group identity of residents of the Republic of Dagestan (in %)

ласти, причем от молодежи к старшему поколению степень выраженности региональных компонентов мы-идентичности нарастает. От 23% до 36% опрошенных отмечают близость к жителям своей республики. От 11% до 38% респондентов в качестве мы-групп называют жителей Северного Кавказа (рис. 2).

Поколенческая идентичность доминирует и среди опрошенного населения Дагестана (от 60% до 74% во всех возрастных сегментах). В других же компонентах идентичности проявляется этнотерриториальная специфика. В сегменте респондентов в возрасте 18–29 лет второе и третье места по частоте указаний занимают региональные сообщества — жители Северного Кавказа (38%) и жители своей республики (32%). Этническая идентичность собирает еще 32% опрошенных, и столько же набирает надэтническая гражданская идентификация — 32%. Жители Дагестана в возрасте от 33 до 44 лет на второе место выносят северокавказскую мы-идентичность (56%), на третье — республиканскую (45%) и на четвертое — этническую (40%) (рис. 3).

В возрастном сегменте 45–60 лет в качестве мы-групп чаще называют людей своей этнической принадлежности (52% и второе место), жителей Северного Кавказа (43% и третье место), население Дагестана (41% и четвертое место). В свою очередь, среди респондентов старше 60 лет этническая идентичность также выходит на второе место по степени распространенности (56%), далее следуют религиозные и профессиональные отождествления (по 44%), потом республиканская (40%) и северокавказская (32%) идентификации. Необходимо также отметить, что среди опрошенных жителей Дагестана более распространенной является религиозная идентичность, нежели среди жителей других сравниваемых субрегионов Юга России. В республике чувство близости к людям одной веры нарастает от молодого поколения к людям более старшего возраста (от 25% до 44%) (рис. 3).

Выводы. Потребность интеграции жителей полиэтнического Юга России на социальном уровне определяет необходимость анализа особенностей групповой идентификации населения. Результаты исследования

показывают несовпадение структуры многоуровневой идентичности жителей поликультурного региона. В целом на фоне преобладания поколенческих общностей в качестве мы-групп у большинства населения Юга России фиксируется более высокая значимость общегражданской идентичности для жителей Ростовской области, а для опрошенного населения северокавказских республик важнее являются этнические (чаще в Адыгее), республиканские и религиозные (более выражено в Дагестане) идентификации.

Возрастные особенности идентичности проявляются в том, что представители старшего поколения чаще указывают на близость региональных общностей. Но если в Ростовской области помимо локального уровня территориальной идентичности выраженными являются отождествления с южно-российским макрорегионом, то в Адыгее и Дагестане более значима республиканская и северокавказская идентичность. В адыгейском сегменте респонденты от 45 лет и старше в большей степени причисляют себя к группам людей одной этнической принадлежности, тогда как более молодые жители Адыгеи чаще отождествляют себя с общностью граждан России. Население Дагестана чаще, чем респонденты других субрегионов, указывает на близость с людьми одной с ними веры, и показатели значимости религиозной идентичности нарастают от молодого поколения к людям более старшего возраста.

Таким образом, зафиксированное несовпадение этнотерриториальных и возрастных подгрупп населения Юга России по социальным компонентам идентификации: общегражданским, этническим и региональным — сопряжено с рисками дезинтеграции и устойчивости многосоставного макрорегиона.

Список источников

1. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. №3. С. 45–61.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызов национальной американской идентичности. Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
3. Laurence J., Bentley L. Does Ethnic Diversity Have a Negative Effect on Attitudes To-

wards the Community? A Longitudinal Analysis of the Causal Claims Within the Ethnic Diversity and Social Cohesion Debate // *European Sociological Review*. 2016. №32(1). Pp. 54–67.

4. Емельянова Т.П. Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. М.: Когито-Центр, 2016. 476 с.

5. Пищик В.И. Типологические и идентификационные признаки поколений // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15. №2. С. 215–236.

6. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // *Социологические исследования*. 2013. №7. С. 25–34.

7. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020. №8. С. 37–50.

8. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*. 1993. №3–4. С. 167–174.

9. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // *Социологический журнал*. 2000. №3/4. С. 76–86.

References

1. Simonova O.A. K formirovaniyu sociologii identichnosti [Towards the formation of the sociology of identity]. *Sociologicheskij zhurnal* [The Sociological journal]. 2008; (3): 45–61. (In Russ.).

2. Hantington S. Kto my? Vyzov nacional'noj amerikanskoj identichnosti. Per. s angl. A. Bashkirova [Who are we? The challenge of national American identity. Translated from the English by A. Bashkirov]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo ACT»: ООО «Tranzitkniga», 2004. 635 p. (In Russ.).

3. Laurence J., Bentley L. Does Ethnic Diversity Have a Negative Effect on Attitudes Towards the Community? A Longitudinal Analysis of the Causal Claims Within the Ethnic Diversity and Social Cohesion Debate // *European Sociological Review*. 2016. №32(1). Pp. 54–67.

4. Emel'janova T.P. Social'nye predstavleniya. Istorija, teorija i jempiricheskie issledovanija [Social representations. History, theory and empirical research]. Moscow: Kogito-Centr, 2016. 476 p. (In Russ.).

5. Pishhik V.I. Tipologicheskie i identifikacionnye priznaki pokolenij [Typological and identification signs of generations]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal]. 2018; 15 (2): 215–236. (In Russ.).

6. Denisova G.S., Klimenko L.V. Osobennosti regional'noj identichnosti naselenija Juga Rossii [Features of the regional identity of the population of the South of Russia]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2013; (7): 25–34. (In Russ.).

7. Drobizheva L.M. Rossijskaja identichnost': poiski opredelenija i dinamika rasprostraneniya [Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2020; (8): 37–50. (In Russ.).

8. Jadov V.A. Social'nye i social'no-psiologicheskie mehanizmy formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 1993; (3-4): 167–174. (In Russ.).

9. Danilova E.N. Izmeneniya v social'nyh identifikacijah rossijan [Changes in social identifications of Russians]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2000; (3/4): 76–86. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted on 28.10.2021; approved after reviewing on 15.11.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клименко Людмила Владиславовна — доктор социологических наук, профессор Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я Линия, 43

Lyudmila V. Klimenko — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Graduate School of Business, Southern Federal University.

43 23rd Liniya st., Rostov-on-Don, Russia

Верещагина Анна Владимировна — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Anna V. Vereshchagina — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Жаде Зურიет Анзауровна — доктор политических наук, профессор юридического факультета, Адыгейский государственный университет.

Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

Zuriyet A. Zhade — Doctor of Political Sciences, Professor of the Law Faculty, Adyghe State University.

208 Pervomayskaya st., Maykop, Russia

Вклад авторов:

Клименко Л. В. — научное руководство; концепция, программа и социологический инструментарий исследования; анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Верещагина А. В. — анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Жаде З. А. — анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Contribution of authors:

Klimenko L. V. — scientific guidance; concept, program and sociological research tools; analysis of research results; final conclusions.

Vereshchagina A. V. — analysis of research results; final conclusions.

Zhade Z. A. — analysis of research results; final conclusions.